Юлия Баскакова: Нью-Йорк — «Все практикуют и все исполняют»

Социолог Юлия Баскакова из американского исследовательского агентства *«Langer Research Associates» в рамках работы «Социологического антикризисного центра» рассказала о ситуации в США, связанной с пандемией COVID-19.*

Размышления, которые я читаю на русском языке, производят на меня впечатление давно пережитого. Я уже шесть недель нахожусь в самоизоляции. И воспринимаю рефлексию людей в России по поводу коронавируса — как впечатления человека, упавшего с небоскреба и пролетающего только еще мимо 80-го этажа. Те практики, которые ощущаются как большие изменения после одной или двух недель самоизоляции, наверное, ещё через пару недель будут выглядеть совсем иначе.

В США формируется координированная коалиция исследователей. Ситуация меняется буквально каждый день, опросов проводится множество, в открытом доступе их уже более сотни. Коллеги-исследователи сорганизовались и запустили открытый архив опросных данных о коронавирусе (ссылка). Там ежедневно появляются новые данные, включая анкеты и массивы. Кроме того, еженедельно публикуются обзоры свежих исследований разных компаний.

Объективно в стране довольно высокий уровень смертности. Он уже вышел на уровень потерь, в абсолютных цифрах сравнимых с данными по Италии и Испании, и по-видимому, будет еще расти. В рефлексиях на русском языке я встречаю любителей статистики, рассуждающих о том, что две тысячи дополнительных смертей в

день для страны в целом – это, якобы, немного. В англоязычных текстах подобного уровня суждения мне встречаются редко, да и конспирологии в целом меньше. На страновом уровне надо принимать в расчет географию. (В Нью-Йорк таймс есть отличный анализ смертности за март-апрель по ссылке). Нью-Йорк – эпицентр, и здесь статистика выглядит драматично даже для неспециалистов. Скажем, в Нью-Йорк Сити «обычный» дневной уровень смертности составляет менее двухсот человек. Но когда он резко набирает обороты и увеличивается в два-три раза, то ситуация меняется не только количественно. Нужно помнить, что мы говорим не о тех людях, которые ожидали смерти вследствие длительной болезни и задолго готовились к ней. И это не те люди, с которыми внезапно произошел несчастный случай, когда никак нельзя помочь. Это люди, которые были в целом в порядке, а потом вдруг тяжело заболели, оказались в больницах, их пытаются спасать бригады реаниматологов, на их полноценное лечение не всегда хватает ресурсов. Вот это все ощущается достаточно драматично.

Если коротко, все воспринимают коронавирус очень серьезно. Практически все американцы знают о том, что происходит. Все этим озабочены, и две трети – озабочены в высокой степени. По разным данным прошлой недели от 14 до 22% говорят, что лично знают кого-то, у кого диагностирован коронавирус. Граждане очень широко поддерживают и практикуют те ограничения, которые введены для того, чтобы остановить распространение вируса, включая самоизоляцию и ряд бытовых практик.

Требований «Отмените самоизоляцию!» в Америке нет. Напротив, мы видим запрос на то, чтобы меры самоизоляции вводились не только на уровне штатов, но и на уровне всего государства. Хотя эпицентр заболеваемости находится в Нью-Йорке и окрестностях, ареал переживаний распространяется по всей стране. И рекомендованные меры все практикуют и все исполняют. По данным опросов мы видим, что 90% перестали жать руки при встрече. Около 75% не ходят ни на какие собрания. 53% прекратили или отменили поездки. Число людей, которые посещают

своих друзей или родственников, по сравнению с показателем месяц назад, сократилось более чем в 2 раза. По данным Ipsos, месяц назад их было 48%, сейчас – менее 20%. Все самоизолировались.

Ситуация в экономике очень сложная. Сокращается доля работающего населения. Уровень безработицы растет примерно на 5 миллионов человек в неделю. Запросов на пособие по безработице регистрируется в десятки раз больше, чем обычно. Проще говоря, более 15 миллионов человек потеряли работу совсем недавно, безработица была выше только в период Великой Депрессии. Падает индекс потребительского доверия Bloomberg CCI, каждую неделю – новый рекорд вниз. В конце марта по опросу ABC 33% рапортовали, что кто-то из их членов семьи столкнулся с потерей работы. Спустя 2 недели, глядя на исследования, которые проводятся Ipsos, мы видим, что нам примерно столько же говорят о том, что теперь уже лично они не работают – 11% были уволены, 19% – отправлены во временные отпуска.

Короновирус усугубил социальное неравенство. Сейчас мы стали получать все больше информации о том, что коронавирус бьет не столько по белому населению, сколько по латиноамериканцам и афроамериканцам. Медицинские сводки о том, что смертность среди этих групп выше, появились только недавно. Но по данным опросов мы могли наблюдать это в течение последних 5 недель. В приведенном опрост ABC афроамериканцы и латиноамериканцы говорили о том, что в их семье кто-то остался без работы заметно чаще, чем белые (39-41% против 29%). Это отражает социальные различия: среди первых групп меньше людей с высшим образованием, они чаще выполняют низкоквалифицированную работу, живут в бедных районах и не имеют сбережений. С одной стороны, по ним ударила изоляция. С другой стороны, это те группы, которые не могут работать удаленно и продолжают ходить на работу, ездить в нью-йоркском метро.

Люди больше боятся той угрозы, которую воспринимают как более близкую. Вопроса о том, чего люди боятся больше: экономических

последствий или болезни и смерти от вируса — насколько я знаю, ни один полстер не задавал. И это, наверное, вполне разумно. Потому что ставить человека перед выбором, что лучше: умирать от голода, но долго, или от вируса, но быстро, было бы не очень корректно. Заболеть короновирусом боится примерно каждый второй. Потерять работу боятся ещё чаще. Но это страхи проявляются в разной степени. Во-первых, заболеть можно уже завтра, а перспектива потери работы более туманна. Во-вторых, есть меры государственной поддержки, которые широко одобряемы. Почти 90% одобряют помощь гражданам и помощь малому бизнесу. Более 40% одобряют даже помощь большим корпорациям. Ведь все понимают, что большие корпорации — это работодатели.

Когда эта ситуация закончится? Большинство ожидает, что «худшее пока впереди». Карантинные меры объявлены на неопределенный срок. Надежды на то, что все откроется через неделю, или через две, или через три, никто никому не давал. В Нью-Йорке пик ожидается во второй половине апреля или в начале мая. Так что все знают, что в апреле и в мае всё ещё не закончится.

В целом у меня нет ощущения когнитивного диссонанса. Я имею в виду тот диссонанс, который возникает, от того, что данные собственных наблюдений расходятся с данными опросов. Как раз наоборот. Я очень часто вижу людей даже за городом, где я сейчас нахожусь, гуляющих в масках по лесу, или людей, переходящих на другую сторону улицы, когда они видят кого-то из прохожих. Все строго соблюдают дистанцию. Даже если кто-то остановился поговорить с соседом, люди делают это на дистанции 3 метра, не приближаясь, не гладя чужую собаку.

Буквально пару слов об отличии от ситуации в России. В Америке все это наступило не вдруг и не из ниоткуда. Для человека как я, который не очень следит за новостями, из многих источников становилось заметно, что идет подготовка к эпидемии. Например, электронные письма от стоматолога или лечащего врача: «Уважаемый клиент! Мы знаем, что сейчас эпидемическая ситуация. И вот какие меры принимаем, чтобы обеззаразить нашу

клинику». Приходили уведомления от медиков о том, как действовать в случае появления симптомов. Торговые сети извещали о будущих изменениях в своей работе – удлиненные перерывы на дезинфекцию, специальные часы работы только для пожилых людей. Ограничения на работу ресторанов тоже возникли не сразу. Сначала ограничили дистанцию между столиками, потом запретили обслуживание в зале и разрешили заказы только на вынос. Потом всех перевели на удаленную работу. Потом появилась статистика заболеваемости и объяснения принимаемых мер – из каждого утюга звучало про “flatten the curve”. То есть формировался уровень осознанности.

Вопрос-ответ

Можно ли выстраивать аналогию между Нью-Йорком и Москвой? Действительно ли Москва идет вслед за Нью-Йрком и рано или поздно окажется в ситуации, которую вы видите там сегодня?

Юлия Баскакова. Этот вопрос должен быть адресован не полстеру, а врачам-эпидемиологам. Они знают цифры по угрозе распространения вируса в Москве. Но я могу рассказать о своих ощущениях, которые испытывала месяц или полтора назад. Тогда мы еще дискутировали о том, так ли все это серьезно, чтобы все закрывать? Ну, 100 кейсов, ну, 150, ну, 500, даже 1000. Разве это может быть страшно? Но 2 или 3 недели назад эти ощущения сильно изменились. Потому что статистика заболеваемости и смертности вдруг резко рванула вверх. В Америке на прошлой неделе примерно 2 из 10 говорили, что знают кого-то, кто имеет диагноз «коронавирус». Будет грустно, если в Москве ситуация пойдет по тому же сценарию.

Есть ли усталость от сложившейся ситуации у респондентов, в том числе от применения штрафных санкций?

Ю. И усталость, и стресс присутствуют. В среднем, согласно одному из опросов, люди говорят, что они проводят в среднем по 20 часов дома. Как их измерить, другой вопрос. Спросить, «хотите ли вы, чтобы все было хорошо и эпидемия закончилась»?

Ответ на этот вопрос очевиден. Про введение штрафов я не слышала, выходить из дома можно, пропуск для этого не нужен. Я не отслеживаю этот вопрос в текущем режиме, но ни в одном из известных мне опросов строки об отношениях к санкциям нет.

Есть ли данные по восприятию ценности свободы в контексте самоизоляции?

Ю. Такие исследования мне не известны, могу поделиться только самонаблюдением. Читая переживания российских коллег о том, что они оказались запертыми в клетках и переживают утрату своей субъектности, я испытываю двойственное чувство. С одной стороны, вероятнее всего, на их месте я чувствовала бы себя примерно так же. С другой стороны, здесь я себя так абсолютно не ощущаю. Я чувствую полное доверие к власти и принимаемым мерам. Я уверена, если полиция что-то проверяет, то в интересах общественной безопасности, а не затем чтобы «что-то с кого-то слупить». Губернаторы, вводя ограничения, ставят на кон свою популярность. Если сегодня они сделают что-то не так, завтра за них просто не проголосуют. Губернаторы и президенты здесь регулярно меняются.

Нам всегда казалось, что в Америке люди меньше ожидают от государства поддержки, чем в России. В Америке, считалось, нужно надеяться на самого себя. Почему значимость государственной поддержки в США оказалась так велика?

Ю. Государство в данном случае компенсирует свои же действия. Люди по-прежнему рассчитывают на себя, но тут государство приходит и говорит: «Я закрываю фирму, в которой ты работаешь, или твой малый бизнес, теперь ты должен сидеть дома». У человека возникает резонный вопрос: «Ну, ок, а как я должен выжить?», и государство пытается дать людям эту возможность — продержаться в кризис. Это не запрос на господдержку, это нормальное взаимодействие гражданина и государства.